

А. И.
КУПРИН

Избранное

Лазурные берега

Александр Куприн

Монте-Карло

«Public Domain»

1912

Куприн А. И.

Монте-Карло / А. И. Куприн — «Public Domain»,
1912 — (Лазурные берега)

«Опять повторяю вам, любезные читательницы и почтенные читатели: не верьте ни бедкерам и даже ни писателям. Они вам расскажут, что Монте-Карло – земной рай, что там в роскошных садах тихо шелестят пальмы своими перистыми ветвями, цветут лимоны и апельсины и в роскошных бассейнах плещутся «экзотические рыбы». Расскажут вам о великолепном дворце, построенном с царственной роскошью лучшими зодчими мира, украшенном самыми талантливыми ваятелями и расписанном первыми мастерами живописи...»

Содержание

Александр Иванович Куприн Монте-Карло

Опять повторяю вам, любезные читательницы и почтенные читатели: не верьте ни бедокарам и даже ни писателям. Они вам расскажут, что Монте-Карло – земной рай, что там в роскошных садах тихо шелестят пальмы своими перистыми ветвями, цветут лимоны и апельсины и в роскошных бассейнах плещутся «экзотические рыбы». Расскажут вам о великолепном дворце, построенном с царственной роскошью лучшими зодчими мира, украшенном самыми талантливыми ваятелями и расписанном первыми мастерами живописи.

На самом же деле ничего этого нет. Маленькое, приземистое здание. Цвета не то фисташкового, не то жидкого кофе с молоком, не то «couleur casa Dauphin»; пухлые амурсы и жирнозадые с масляными улыбками в глазах Венеры, разбросанные малярами по потолку и на стенах, поддельная бронза, бюсты великих писателей, которые никогда в жизни не видали Монте-Карло и, кажется, не имели к нему никакого отношения...

А Монте-Карло – просто-напросто вертеп, воздвигнутый предприимчивым, талантливым Бланом на голой и бесплодной скале.

Этот несомненно умный человек, воля которого, к сожалению, была направлена в дурную сторону, – человек, который мог бы быть с никогда не изменявшим ему счастьем и поездным вором, и шантажистом, и министром, и ресторатором, и страховым агентом, и редактором громадной газеты, и содержателем публичного дома, и так далее и так далее, однажды решил использовать человеческую жадность и глупость. И он *не ошибся*. Этот *нищий*, голяк, человек с мрачным прошлым, рыцарь из-под темной звезды, умер оплаканный всеми жителями княжества Монако и успел не только выдать своих дочерей замуж за принцев крови, но и обеспечить на веки вечные своего покровителя Гримальди, завести ему артиллерию из двух пушек, пехоту численностью в пять солдат и двадцать офицеров и кавалерию в виде одного конного истукана, который сидит на лошади, весь расшитый золотом, и зевает от скуки, не зная, как убить бесполезное время.

Однако Блан предусмотрительно воспретил всем монегаскам (жителям Монако), а в том числе и Гримальди, вход в свой игорный зал.

Насколько велика была воля и выдержка этого человека, свидетельствует следующий анекдот (извиняюсь, если это было раньше напечатано): в Монте-Карло приехал какой-то испанский дворянин, которому везло сумасшедшее счастье. В два-три дня он выиграл у Блана около трех миллионов франков и уехал с ними домой, к себе в Севилью, к своим бычкам и апельсинам. Но через два года его опять потянуло на игру, и он вернулся к Блану в Монте-Карло. Блан встретил его очень ласково и внимательно и даже как будто ему обрадовался.

– Как я счастлив вас видеть, граф. Но только предупреждаю вас: не играйте! Два раза к человеку счастье не возвращается. И – поверьте моей искренности – я вам советовал бы даже не входить в игорное зало.

– Почему? Неужели вы думаете, что у меня не хватит самообладания? Что я увлекусь игрой?

– О, конечно, граф, нет. В этом я не сомневаюсь. Все мои кассы открыты для вас. Но очень прошу – не играйте. Еще и еще раз повторяю вам, что счастье изменчиво. По крайней мере, обещайте мне, что больше двадцати франков вы не проиграете?

– Оставьте. Не мешайте же мне. Я вам сейчас докажу, что азарт ничуть не владеет мною!!

Неизбежно кончилось тем, что испанский граф проиграл свои прежние выигранные три миллиона, заложил в банк по телеграфу свои земли и апельсиновые рощи, но уже из Монте-Карло уехать не мог. Он кидался на колени перед Бланом и со слезами целовал его руку, умоляя о нескольких сотнях франков, чтобы ему вернуться домой, к своей семье, прекрасному

испанскому климату, к своим черным бычкам со звездочками на лбу, к своим апельсиновым рощам, к своим тореадорам. Но Блан ответил ему спокойно, сухо и холодно:

– Нет, граф. Два года тому назад вы меня разорили. Мне пришлось ехать в Париж и обивать все лестницы и пороги в редакциях газет и в министерствах, чтобы замуровать брешь, которую вы сделали в моем предприятии. Око за око. Теперь вы от меня не дождетесь сожаления, но милостыню я вам могу подать.

И с тех пор испанский граф, подобный петуху, у которого из хвоста вытащили перья, все думает отыграться. Администрация вертепа, по великодушному повелению Блана, выдает ему каждые сутки двадцать франков (приблизительно на наш счет около семи рублей). Он пользуется правом входа в казино, и даже ему позволяют играть. Но в тех случаях, когда он свои жалкие двадцать франков проигрывает, то их у него не берут, а когда выигрывает, ему не платят. Более гнусной и жадной развалины, гласит легенда, никто никогда не видел на лазурных берегах. И таких людей болтается в Монте-Карло, считая скромно, тысячи четыре.

Так понял Блан человеческую психологию. Каждый выигравший вернется к нему, чтобы еще раз выиграть, а каждый проигравший – чтобы отыграться. И он совсем не промахнулся в циничном расчете на одну из самых низменных людских страстей. Спи с миром, добрый труженик. Потому что люди достойны такого обхождения с ними, какого они заслуживают.

Подробности организации этого дела смешны до простого. Каждый крупье проходит двухгодичную школу учения; два года в подвалах казино он сидит и учится пускать шарик по вертящемуся кругу; учится запоминать лица и костюмы, говорить на всех языках и носить чистое белье. Жены и дочери их обеспечены администрацией. Им открывают табачные и винные лавочки. И таким образом эти люди прикованы к вертящейся тарелке и бегающему по ней шарикуну неразрывными узами. И взаправду – куда ты пойдешь, если был раньше крупье или околоточным надзирателем?

Сплетня о том, что крупье может положить шарик в одну из тридцати семи черных и красных ячеек, по-моему, неосновательна, но что он может загнать шарик в определенный сектор, – это возможно. Во-первых, потому, что человеческая ловкость не имеет границ (акробаты, авиаторы, шулеры), а во-вторых, что я сам видел, как инспектор игры сменил в продолжение часа трех крупье, которые подряд проигрывали. Жалкое и брезгливое впечатление производят эти сотни людей, – нет, даже не людей, а *только* игроков, – сгрудившихся над столами, покрытыми зеленым сукном! Сорок, пятьдесят мужчин и женщин сидят, толкая друг друга локтями и бедрами; сзади на них навалился второй ряд, а еще сзади стиснулась толпа, сующая жадные, потные, мокрые руки через головы передних. Мимходом локоть растакуэра попадает в щеку или в грудь прекрасной даме или девушке. Пустяки! На это никто не обращает внимания...

Зато как интересна была какая-то русская княгиня! У нее был нервный тик в глазах, и руки дрожали от старости и от азарта. Из белого замшевого мешочка, вроде кисета, она вынимала горстями золото и швыряла его на сукно куда попало. Старший крупье, тот, который вертит машинку, жирный, краснорожий француз, нарочно задерживал игру и смеялся даме прямо в лицо.

Надо сказать, что она на это не обращала внимания, а когда проигралась, приказала кому-то подать ей автомобиль, другому заплатить за два стакана крепкого чаю и ушла. Это все-таки было красиво.

Как жаль, что русские женщины, так нежно и поэтично нарисованные Тургеневым, Толстым и Некрасовым, неизбежно попадают в эту проклятую дыру!

Вся французская печать протитутуируется начальством Монте-Карло с необыкновенной ловкостью и спокойствием. Этим честным журналистам, из которых честен и неподкупен по настоящему только один граф Анри де Рошефор, умышленно платят за то, чтобы они не писали

о самоубийствах, случающихся на этой голой скале. Честные журналисты, понятно, начинают шантажировать игорный дом и пишут именно о самоубийствах, пока не получат тридцати или сорока тысяч франков отступного. Администрации это и нужно. Она совсем не дорожит пятифранковыми игроками, а ждет миллионеров. А ведь ясно, что пресыщенного болвана, видевшего в своей оранжерейной двадцатипятилетней жизни почти все, что может выдумать человеческое – вернее, лакейское – воображение: от охоты на тигров до содомского греха, – этого милого юношу непременно потянет испытать сильные ощущения. И потому-то дирекция вертепа с большим великодушием время от времени дает возможность выиграть какому-нибудь путешествующему инкогнито набобу несколько тысяч франков. Даже для слепого ясно, что эти деньги выбрасываются администрацией для рекламы, а проще сказать, на чай или на перчатки...

Мое свидетельство потому беспристрастно, что из моих многочисленных пороков нет одного – влечения к карточной игре. Я был только холодным и внимательным наблюдателем. Нечаянно я выиграл несколько франков, но это было противно и скучно.

Развращающее влияние Монте-Карло сказывается повсюду на лазурных берегах. И если присмотришься к этому повнимательнее, то кажется, что ты попал в какое-то зачумленное, охваченное эпидемией место, которое было бы очень полезно полить керосином и сжечь. В каждом баре, в каждой табачной лавочке, в каждой гостинице стоят машины для игры – похожие на кассы-самосчетчики в больших магазинах. Наверху три цвета: желтый, зеленый, красный, или иначе – три игрушечные лошадки: вороная, гнедая и серая. Иногда, впрочем, это бывают и кошечки, а над ними, как в копилке, три отверстия для опускания монет. Если вы угадаете цвет, выигрываете. И милые, простосердечные маляры и каменщики, кондукторы трамваев, носильщики, официанты, проститутки с утра до вечера кладут и кладут свои су, заработанные тяжелым трудом, в эту ненасытную прорву. Конечно, они не понимают, что у машины против них шестьдесят шесть с дробью шансов на выигрыш. А эти шестьдесят шесть процентов делятся таким образом: сорок четыре получает владелец машины, а двадцать два хозяин кабачка. Надо сказать, что хозяин предпочитает расплачиваться в случае выигрыша не деньгами, а напитками, сладким вермутом или жгучим абсентом.

А для любителей более пряного азарта есть повсюду на лазурных берегах таинственные темные притоны. Один из них – самый замечательный – обосновался в деревушке под названием Trinité¹, в верстах двадцати от Ниццы, между горами, по которым бежит белая шоссе-ная дорога, построенная римскими владыками, а возобновленная Наполеоном (Corniche). В этом заведении очень весело. Столы поставлены на открытом воздухе. Вино и закуска бесплатно от хозяина. Минимальная ставка – франк (в Монте-Карло – пять франков). Пускают туда кого угодно. Никто не рассердится, если вы в разгаре игры снимете с себя верхнюю половину костюма.

Но зато и удивительная же коллекция человеческих отбросов собирается там: выгнанные из Монте-Карло за жульничество крупье, с лицами не то палачей, не то сыщиков, не то маркетов, старушки с благородными профилями, которые, слезая с трамвая, торопливо крестятся под мантильей, а если увидят горбатого, то стремятся на счастье прикоснуться к его горбу, русские шулеры, которые привезли на лазурные берега свои скромные петербургские сбережения и неизбежно проигрываются (это их общая судьба), международные лица, которым вход в Монте-Карло воспрещен либо за кражу чужой ставки, либо за неудачно вынутый из кармана чужой бумажник, переодетые полицейские... Словом, веселая, теплая, интимная компания.

Но, однако, никого из них не оставляет одна безумная мысль: «У рулетки есть свои законы!» Надо только открыть их ключ. И сидят эти сумасшедшие люди целыми днями и

---

¹ Троица (фр.).

складывают числа, умножают их одно на другое, вычитают квадратные корни. Администрация смотрит на них как на тихих помешанных и мер утеснения к ним никаких не применяет.

Правда, часто игра оканчивается в Trinité дракой или ударом ножом в живот, но на эти пустяки в Trinité никто не обращает внимания.

Но все-таки как интересны французские нравы! Даже и в этих вертепах наши щедрые западные друзья не могут обойтись без жеста.

Генерал Гуаран, только что выбранный ниццким мэром, естественно, захотел показать свою гражданскую строгость и административную распорядительность. Поэтому он приказал закрыть все игорные дома в Trinité (а их там около десяти или пятнадцати). Была устроена облава. Игроки в ужасе разбежались, кто куда попало. Monsieur Поль, организатор самого главного заведения, тоже бежал, преследуемый полицейским комиссаром. И вот на бегу комиссар вывихивает себе ногу или, может быть, только делает вид, что вывихнул. Тогда Monsieur Поль останавливается и с великодушием честного противника помогает своему преследователю подняться, усаживает его в экипаж, ухаживает за ним, точно заботливая нянька, и торжественно привозит в город.

На другой день в обеих ниццких газетах, которые обычно поливают друг дружку грязью, воцаряется трогательное согласие. В одной – передовая статья на тему о том, что еще не умерла французская доблесть, а в другой – фельетон: «Великодушные враги».

А на третий день в обеих газетах две заметки, почти слово в слово: «К сожалению, борьба с денежным азартом не под силу нашей ниццкой полиции. Monsieur Поль опять открыл свой игорный дом в Trinité от десяти до двух дня и от четырех до восьми вечера, здесь же роскошный буфет, который maitre² Поль, с присущим всякому французу гостеприимством, предлагает к услугам посетителей совершенно бесплатно: курить позволено, чистый воздух и прекрасный пейзаж, лучший на всем лазурном побережье».

Нет! Русские репортеры, которых кто-то назвал бутербродниками, никогда не достигнут высокой культуры своих западных confreres!³

---

² Хозяин (*фр.*).

³ Собратьев (от *фр.* confrère).